

Он не такой пай-мальчик из русской глубинки, каким кажется на сцене. Леша, несмотря на возраст, жесткий и гибкий одновременно. Он смотрит на жизнь трезво, знает себе цену, но не забывает о своем месте. С Гоманом мы встретились сразу после финала конкурса молодых исполнителей, который прошел в рамках "Славянского базара". Там он получил грамоту за второе место.

— Признаться, расстроился же...
— Ну что, я робот, что ли. Конечно, расстроился... Я до сих пор не понимаю, почему поставили так мало очков. Надо бы послушать себя. Мне казалось, что я выступил отлично.

— Леша, а зачем вообще надо было участвовать в конкурсе, будучи уже абсолютным победителем другого?

— Слушай, я не знаю. А зачем вообще что-то делать?! Зачем из дома выходить, идти куда-то, зачем творчеством заниматься? Для меня конкурс — это настоящая жизнь. Во время него мобилируются все силы, понимаешь?! Во-вторых, это лишний повод привлечь к себе внимание. В отличие от "Народного артиста" здесь нас оценивало профессиональное жюри, узконаправленное. Они же смотрят не столько на то, какой артист перед ними, а как участник поет.

— Неужели не приходила в голову мысль, что после победы на телепроекте тебе не дадут собрать все лавры? Скажут: "Иди-ка, мальчик, отсюда, здесь полно молодых и талантливых, которым тоже надо дать путевку в жизнь..."

— Я не исключал возможности проигрыша, когда ехал сюда. Для меня это разные конкурсы. Меня не волнует, если кто-то завтра будет говорить: вот он победил там, а здесь проиграл. Я не хочу засорять свой мозг такими мыслями.

— Такое впечатление, что ты очень устал и хочешь спать...

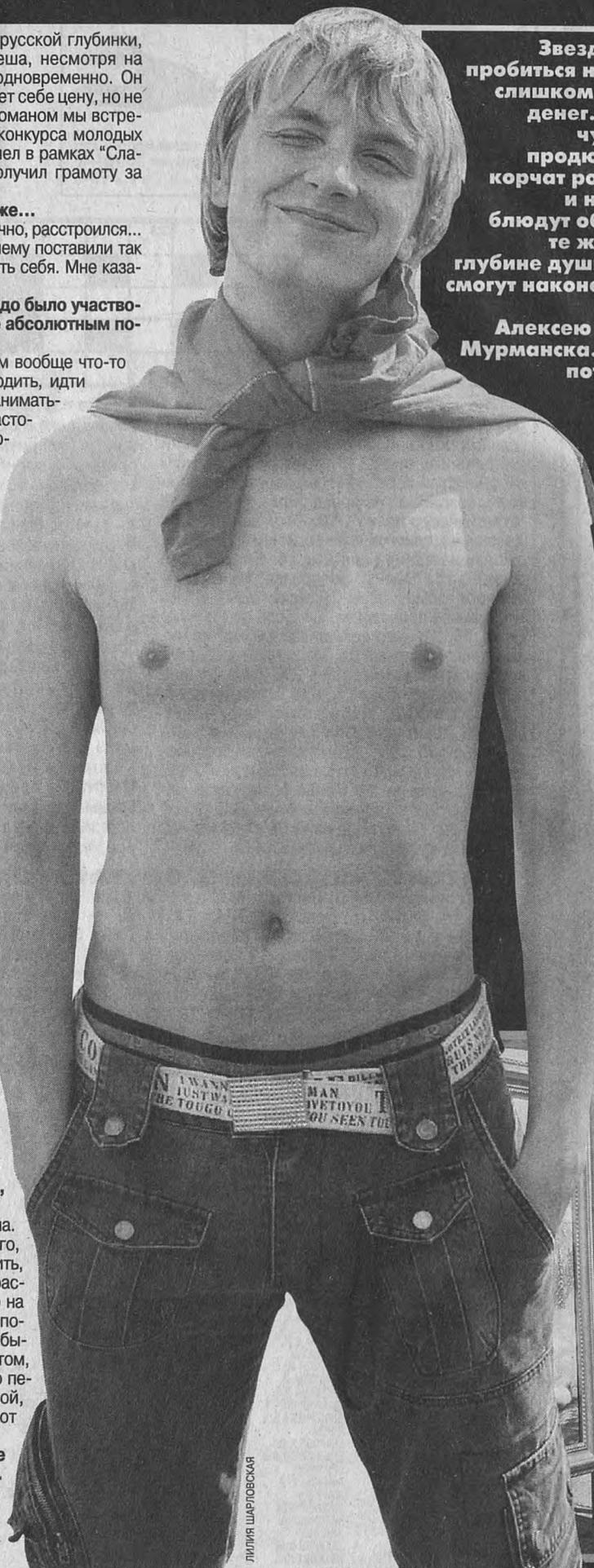
— Не хочу, хотя не выспался. На конкурсе все время находишься в состоянии волнения, ты просто не можешь спать.

— Но расслабляться-то как-то надо: например выпить, покурить?

— Я вообще не люблю эти дела. Умею расслабляться и без этого, но не буду тебе сейчас говорить, что именно я делаю. Просто я расслаблен, когда у меня хорошо на душе, когда мне радостно и спокойно. Поверь мне, что такое бывает, и довольно часто. А потом, считаю — что-то плохое нужно переживать со светлой головой, внятно, прочувствовать все от начала до конца.

— Широкой публике о Леше Гомане мало что известно. Если бы ты писал краткую биографию, с чего бы начал?

— Ой, краткую не сумею. Но

ЛЮЛИЯ ШАРПОВСКАЯ

Звездам нового поколения тяжело пробиться на музыкальный Олимп — там слишком мало места и слишком много денег. Но бывают исключения. Под чутким руководством зубастых продюсеров новоявленные артисты корчат рожицы, выступают в деревнях и на заказных концертах, четко блюдут образ, который создали им все те же монстры шоу-бизнеса, — и в глубине души надеются, что когда-нибудь смогут наконец делать то, что им на самом деле хочется...

Алексею Гоману 22 года. Он родом из Мурманска. Парень несколько лет назад потерял обоих родителей, но не утратил веру в себя. Он стал победителем проекта "Народный артист" и собирается жениться на Маше Зайцевой, солистке команды A-Sortie.

РУССКИЙ ПАРЕНЬ

С ЩЕНЯЧЬИМ ОСКАЛОМ

Гоман: "Эта девушка на картине очень похожа на Машу".

ЛЮЛИЯ ШАРПОВСКАЯ

если бы очень надо было, то единственное, что я могу о себе сказать на сто процентов: я — Леша Гоман, хороший человек, никому не сделал в жизни плохо. Пока...

— В графе "образование" значилось бы "незаконченное высшее"?

— Теперь да, но с учебой у меня все сложно. Сначала я ходил в детский садик. Можешь представить меня в садике? Там меня оставили на второй год. Не потому, что я не научился читать и писать по слогам. Мама мне рассказывала, что в садике я участвовал во всех утренниках — частушки пел, зайчиков играл, гопак плясал. Когда мама решила отдать меня в первый класс в возрасте шести лет, в садике взбунтовались — как же он уйдет, а кто будет защищать честь садика?! Пришлось остаться. Потом я учился в школе с углубленным изучением английского языка. Но учился плохо и все время врал. Получал "двойки" и "тройки", а говорил, что "пятерки" ставят. Заврался — жуть. Но однажды увидел, как мама плачет, и решил, что больше врать не буду. А мама перевела меня в обычную среднеобразовательную школу без всяких углублений. Доучился до 9-го класса и пошел в ПТУ. Какой черт меня дернул становиться слесарем-электриком по ремонту электрооборудования троллейбусов — до сих пор не понимаю. Отучился, и направили меня на практику в депо. Но там я ничего не делал.

— Троллейбусы не нравятся?

— Я тогда по ночам работал в ресторанах — в семью деньги зарабатывал. А мастера — они простые такие мужики с понятиями, для них идеал мужчины — это кормилец. Они мне все прощали и ставили оценки просто так. Так что я до сих пор мало что понимаю в троллейбусах.

— А потом призвали тебя в армию...

— Не успели. Хотя я был готов. Мне казалось, что жизнь моя не удалась. Но душа творческая все-таки нашла лазейку. Я как-то пришел к брату в университет. Женя на четыре года меня старше и учился тогда в университете культуры и искусств. И вдруг после этого бычья из училища я вижу художников, танцоров, литераторов, одухотворен-

Алексей ГОМАН: "Я не Рома Зверь, чтоб меня взасос на улице целовать!"

ные лица, думающие глаза. Я собрал все свои дипломы — между работой в ресторанах я участвовал в разных областных певческих конкурсах, — и меня приняли. Хотя мама в свое время в музыкальную школу нас не отдала. Пожалела. Сама она была народницей, руководила хором. И всегда говорила: пока мои сверстники играли во дворе, я зубрила сольфеджио. Зачем, мальчики, вам это надо?! А мы от противного. Научились на гитарах играть, петь начали.

— С братом вы близкие люди?

— Мы были маленькими — дрались как кошка с собакой. А сейчас это самый близкий и единственный теперь родной мой человек. Женя намного красивее, умнее и талантливее меня. Он настолько позитивный человек, что, думаю, его стоило бы отправить в Москву. Он бы вылечил самые загаженные области столицы. Но он не хочет. Женя живет и работает в Мурманске, в комитете по делам молодежи, и не хочет никуда сваливать.

— В родном Мурманске ты мог бы стать звездой за какие-нибудь полгода...

— Не помню, кто это сказал, но я полностью согласен: моя жизнь была такая хорошая, что мне просто говна захотелось. И я вместо того чтобы спокойно учиться в Мурманске, у старшего брата под крылышком, перевелся в Санкт-Петербург. Меня сильно привлекала студенческая романтика — общага, ни копейки денег в кармане, батон с кефиром, соседи-бухарики...

— Короче — понеслась душа в рай...

— Если бы! Я проучился на очном в Питере четыре дня и поехал в Москву на "Народный артист".

— Так, а что все-таки с армией? Вот ты поешь патриотические песни про русского солдата, а сам-то туда сходить не хочешь?

— Во-первых, я негоден по здоровью. Были такие разговоры: ты в армии не служил — не мужик. Это тупое бычье так говорит. Я знаю многих, кто служил в армии, — и такие уроды, прости господи...

— То есть не испытываешь никаких угрызений совести?

— Да ты что? С ума сошла, что ли? В Мурманске я тусовался с ребятами, которые были старше меня на несколько лет, и я видел, что армия делала с людьми. Они менялись после двух лет службы — и далеко не в лучшую сторону.

— Если бы ты не попал на телепроект, то троллейбусы бы чинил?

— Всегда хотел сниматься в кино или, еще лучше, снимать самому кино. Меня сразу после проекта

пригласили в экранизацию сказки, играть Иванушку-Дурочка. Я понял, почему. Я был готов пойти, и продюсеры сказали: морда у тебя раскрученная, надо пихать во все места, пока берут. Но режиссер сказки был какой-то сомнительный, и мы передумали.

— На сцене Гоман — великовозрастный зайчик из детского утренника: добрый, пушистый, ласковый. Но в шоу-бизнесе такие не выживают. Кусаться умеешь?

— Я сейчас как щенок. Всех кусаю. Пробую эту жизнь на зуб. Но кусаться я научился именно в Москве. Здесь я научился взрослым людям говорить "ты"! Я даже помню, когда это случилось со мной в первый раз. Я в такси с тупым и наглым водилой — и ему нельзя было не сказать "ты", иначе бы он меня не понял.

— Будучи мурманским парнишкой, на кого из артистов хотел быть похожим?

— Почему-то на ум пришло имя Леонида Агутина. Он мне нравился всегда, тогда я еще слушал Виктора Цоя, как все вокруг, наверное. Но вряд ли мечтал на кого-то походить.

— И сам хотел забахать рок-н-ролл...

— Хотел и сейчас хочу. Но кто же даст. Продюсе-

Леша и Маша: "У нас не было страсти. У нас любовь".

ЛЮЛИЯ ШАРПОВСКАЯ

ры мне пока не верят, когда я говорю, что могу петь что-то другое. Я же русский парень.

— Не хочешь послать Фридлянда и Брейтбурга на три буквы и стать "сам себе хозяин"?

— Сейчас, когда артисты лезут изо всех щелей, как тараканы, без продюсера не обойтись. Раньше, наверное, было проще, когда не было "фанеры". Думаю, если отменить фонограмму — половина эстрады пропадет без вести. Наши продюсеры — Евгений Фридлянд и Ким Брейтбург — не звери, так скажу. Мы не всегда делаем то, что хотим, но никогда не делаем того, чего не хотим совсем. Конечно, приходится прогибаться под формат. А кто сказал, что будет легко?

— Девчонки, поди, одежду рвут на "русском парне"?

— Никогда. Я очень строг с ними и всегда держу дистанцию. Я не Рома Зверь, к которому можно подойти и поцеловать взасос прямо на улице. Я ж русский парень — официальный человек в некотором смысле.

— На улице тебя взасос нельзя целовать, а за кулисами, в тёмном уголке?

— Послушай, у меня есть девушка, и я не предатель. Конечно, соблазн существует. Но просто красивая девушка — это скучно. Понимаешь, меня не привлекают женщины, которые фанатеют от меня. Ну чего интересного — дотронешься до нее пальчиком, она умерла от экстаза. Хочется охоты!

— А за своей охотился?

— Нелегко пришлось. Она же как дикая лошадь. У нас не было страсти, мы друг друга полюбили. Лучше нее я никого не знаю и не ищу. Она для меня идеальна.

— Такое барышне говорить опасно — она может и нос задрать!

— Да нет. Она же не тупая блондинка. Она брюнетка, во-первых, а во-вторых, дружит с головой. Мы стараемся строить отношения на свободе и доверии. Помню, был период, когда у Машки каждый день был концерт, а я сидел без работы. Сперва я остро почувствовал удар по мужскому самолюбию, а потом мы поговорили — и теперь к творческим успехам и провалам друг друга относимся спокойно. Я не знаю, что будет завтра, какими мы будем через год. Но на сегодняшний день мне хочется верить, что Маша — это навсегда.